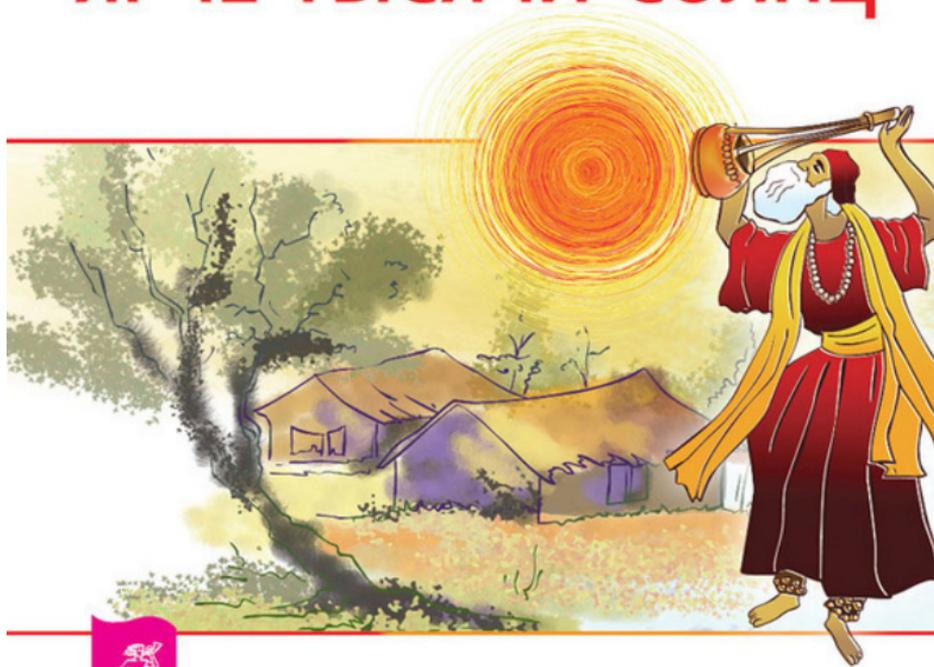

ОШО

ТРЕПЕТНОЕ,
УДИВИТЕЛЬНОЕ, ЧУДЕСНОЕ
В МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ БАУЛОВ
ЯРЧЕ ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

OSHO

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Ярче тысячи солнц. Трепетное,
удивительное, чудесное в
мистической поэзии баулов
Серия «Путь мистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8739985

Ошо Ярче тысячи солнц. Трепетное, удивительное, чудесное в мистической поэзии баулов.: ИГ «Весь»; СПб; 2013 ISBN 978-5-9573-2648-9

Аннотация

Однажды у Ошо спросили: «Если ты встретишь баула, тантрика и йога, с кем ты предпочтешь выпить чашку чая?» Он ответил: «Я попрошу йога приготовить чай, потому что йоги – самые аккуратные люди в этом мире. И я попрошу тантрика подать чай, потому что тантрики умеют хорошо подать, они знают, что такое церемония. Но пить чай я буду с баулом». Кто такие баулы? И почему Ошо предпочитает пить чай в их обществе? В этой книге читатели найдут ответы на эти вопросы, а также узнают, как получилось, что великий Мастер сам захотел стать баулом – бродячим поэтом-музыкантом – и чему современным людям стоит поучиться у этих индийских мистиков.

С удивительной пронизательностью, любовью и простотой Ошо рассказывает о жизни баулов – о жизни творческой и свободной. Стихи баулов наполнены удивительной легкостью и древней мудростью, а комментарии Ошо и ответы, которые он дает своим ученикам, помогают нам проникнуть в тайны этой поэзии, стать осознанными и по-настоящему живыми. *Ранее книга выходила под названием «Возлюбленные. Беседы о мистической поэзии баулов»*

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ошо

Ярче тысячи солнц.

Трепетное, удивительное, чудесное в мистической поэзии баулов

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation; www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Глава 1

Но пчела знает

* * *

Только чуткий мастер любви,
Как ценитель изысканных вин,
Знает речь влюбленного сердца;
Другие к ней глухи.
Вкус лимона живет в середине плода, —
Без труда даже искусный его не достигнет.
Мед лотоса невидим в сердце цветка,
Но пчела о нем знает.
Навозные жуки роются в навозе,
Пренебрегая медом.
Отдавать себя – значит знать, —
Вот секрет всякого знания.

* * *

Я безмерно рад рассказать вам о мире баулов. Надеюсь, этот мир станет для вас открытием и сделает вас богаче. Это

очень странный мир – эксцентричный, безумный. И он вынужден быть таким. К несчастью, он вынужден быть таким – слишком болен и безумен мир так называемых здравомыслящих людей. Так что если вы действительно хотите быть здоровыми и разумными, вам придется стать сумасшедшими. Вам придется выбрать свой собственный путь. И этот путь будет абсолютно противоположен обычным путям мира.

Баулы называются «баулами», потому что это безрассудные и бесшабашные люди. Слово «баул» происходит от санскритского корня «ватул», что означает «безрассудный», «неистовый», «шаловой» или «тот, кого уносит ветром».

Баул не принадлежит ни к какой религии. Он не индуист, не мусульманин, не христианин, не буддист. Он просто человек. И его бунт тотален. Баул никому не принадлежит; он принадлежит только самому себе.

Он живет свободно: никакую страну он не зовет своей, никакую религию он не зовет своей, никакое писание он не зовет своим...

В своем бунте баул идет даже дальше дзенских мастеров – пусть формально, но дзенские мастера принадлежат буддизму; пусть формально, но они поклоняются Будде. Пусть формально, но у них есть священные писания – и хотя в этих писаниях осуждаются сами писания, они все же существуют. Дзенским мастерам хотя бы есть что сжечь. У баулов нет ничего, никаких писаний – им нечего даже сжечь. У них нет ни церкви, ни храма, ни мечети – вообще ничего нет.

Баул – это человек, который всегда в пути. У него нет дома, нет крова. Бог – его единственный дом, а кров – все небо над головой. У него нет ничего, кроме нищенского покрывала, однострунной лютни – *эктары* и маленького барабана. Вот и вся его собственность. Ему принадлежат только *эктара* и барабан. Одной рукой баул играет на *эктаре*, другой ударяет в барабан, который висит у него на боку... И он танцует. Вот вся его религия.

Танец – его религия; песня – его богослужение. Он даже не произносит слова «бог». Бога баул называет *адхар мануши* – человек существа, сущностный человек. Баул поклоняется человеку.

Он говорит: «Внутри тебя и внутри меня, внутри каждого из нас есть истинное существо; это истинное существо важнее всего». Поиск *адхар мануши*, сущностного человека – весь его поиск. Нет бога нигде вне тебя, и не нужно возводить ему храмов, потому что ты уже его храм. Весь поиск – внутри тебя. И на волнах поэзии и музыки, на волнах танца баул входит внутрь. Он живет как нищий; он поет песни. Ему не о чем проповедовать. Вся его проповедь – в поэзии, в песне. И его поэзия – это не обычная поэзия, это не *только* поэзия. Он поет не потому, что ему хочется быть поэтом, а потому, что поет его сердце. Поэзия сопровождает его, как тень, и она прекрасна. Баул не сочиняет, не рассчитывает. Он живет своей поэзией. Она его страсть и сама его жизнь. Его танец почти безумен. Он никогда не учился танцевать и

ничего не знает об этом искусстве. Он танцует, как танцевал бы безумец, как танцевал бы ветер... Баул живет спонтанно, потому что знает: если хочешь прийти к *адхар манушу*, сущностному человеку, сначала нужно найти проводника – *сахадж мануша*, то есть спонтанного человека. Спонтанность – единственный путь к существу. И если баулу хочется плакать, он плачет. Иногда вы можете видеть его стоящим посреди дороги и плачущим. Знайте: ему не нужна помощь, он плачет безо всякой причины. Если вы спросите его: «Почему ты плачешь?» – он рассмеется. Он скажет: «Просто так. Мне захотелось плакать... пришли слезы, и я заплакал». Но если ему захочется смеяться, он будет смеяться; захочется петь – начнет петь. И все это будет происходить с ним от глубокого чувства, которому он позволил охватить себя полностью.

Баул не живет из ума, самоконтроль и дисциплина ему чужды. Он не знает никаких обрядов. Он противник всех обрядов и ритуалов, потому что «ритуалы мертвы, и следующий им человек не может быть спонтанным». Ритуалы и формальности рожают привычку, и человеку не нужно быть живым, бдительным.

Баулы не следуют никаким ритуалам, у них нет никаких техник, никаких привычек. Поэтому вы не найдете двух баулов, похожих друг на друга. Каждый из них – индивидуальность. Бунтарский дух дает им подлинную индивидуальность.

Нужно понять вот что: чем больше вы становитесь частью

общества, тем меньше в вас индивидуальности, тем меньше в вас спонтанности – потому что сама ваша принадлежность обществу не позволяет вам быть спонтанными. Вам придется следовать правилам игры. Становясь частью общества, вы принимаете правила, по которым оно играет – или делает вид, что играет. Именно это подразумевает ваше членство: вы вступаете в определенную организацию; вы должны играть в игру. У баулов нет организации – каждый баул индивидуальность. По сути дела, именно это и есть религия: индивидуальный путь, индивидуальный поиск истины. Идти надо одному, и всегда – своим собственным путем; вы должны найти собственный путь. Нельзя пройти по чужим следам, нельзя пройти по проторенной дороге. Чем более индивидуален ваш поиск, тем ближе вы будете к богу, или к истине, или к реальности. Путь создает идущий. Вы создаете путь своим движением. Нет готового пути, который ждал бы, чтобы вы по нему прошли. Вы идете – и тем самым создаете путь.

Например, вы заблудились в лесу. Что вы делаете? У вас нет карты, вы не видите тропы – со всех сторон только деревья, деревья, деревья, и вы не знаете, куда идти. Что вы делаете? Вы идете вперед, вы ищете, вы исследуете. Самим своим движением, самим своим поиском вы создаете путь.

Жизнь дика и необузданна; и хорошо, что это так. Хорошо, что нет карт, что жизнь не расчерчена и не расписана, что она еще не известна. И так велика ее непознаваемость,

что познать ее невозможно; а если бы это было возможно, потерялось бы все ее очарование, вся красота. Без непознаваемого в жизни не будет удивительного, чудесного. А потерять удивительное – значит потерять все. Тогда вы ничему не будете удивляться, вы разучитесь удивляться. Тогда жизнь уйдет из ваших глаз. Сердце не будет биться. И исчезнет страсть. И нельзя будет любить. Трепет, удивительное, чудесное: вот составляющие таинства жизни.

И хорошо, когда нет священных писаний; хорошо, когда нет формальных религий и ритуалов. И хорошо, что вы не идете проторенными путями...

Баул – мятежник, бунтарь, но я говорю о бунтарстве в совершенно особенном смысле. Баул не революционер. Революционер по-прежнему думает о том, как изменить общество, – это его постоянный вопрос. Все его мысли вращаются вокруг общества: «Как изменить мир?» Бунтарь же не беспокоится о мире, потому что понимает: он не может изменить его. Да и кто он такой, чтобы менять мир? Он говорит: «Разве я вправе менять мир? Если мир хочет быть таким, каков он есть, кто я такой, чтобы вмешиваться?» Баул предоставляет мир самому себе – ни во что не вмешивается, никуда не вторгается. Баул пытается изменить самого себя. Его революция направлена внутрь. Его революция – абсолютно внутренняя.

Бунтарь просто выходит из игры. Он ставит себя вне общества, которое его не устраивает. Он не ждет, когда об-

щество подстроится под него. Это глупое, нелепое желание. Оно вас погубит. Это неосуществимая утопия – ожидать, что однажды общество изменится настолько, что вас все будет в нем устраивать, или что вы будете полностью устраивать общество. Такой день никогда не наступит...

Революционеры существовали всегда, и всегда они жертвовали собой. Мир же остался прежним, и жизни этих революционеров, пытавшихся изменить мир, – их жизни были потрачены даром.

Только представьте, что Маркс, Ленин и Троцкий вернутся. Они посмотрят на мир и... – заплачут! Это тот мир, ради которого они пожертвовали своими жизнями? Это тот мир, в который они верили, которому они отдали все? Они не смогли прожить свою жизнь, потому что они пытались изменить мир. Они пытались изменить мир, потому что им казалось, что они не смогут жить, пока мир не изменится согласно их желаниям. А до тех пор – разве они могут жить? «Можно ли жить счастливо в несчастливом мире?» – вот вопрос революционера. Очень важный вопрос: «Можно ли быть счастливым в несчастливом мире?» И революционер пытается сделать мир счастливым...

Бунтарь говорит: «Оставим мир в покое. Никому еще не удавалось его изменить». Он не витает в облаках, он твердо стоит на земле: «Я могу жить по-своему. Я могу создать собственный мир у себя внутри». Он прекращает играть в игру. Баулы живут вне игры. Они не относятся ни к какой рели-

гии, ни к какому обществу, ни к какой нации. Как цыгане, как нищие, они бродят по свету; как хиппи, они свободно кочуют с одного места на другое; и они поют свою песню, и они танцуют свой танец, и они живут по-своему.

Бунтарь – это тот, кто говорит: «Я не буду ждать, я буду жить сейчас». Революционер верит в будущее. Он говорит: «Я буду ждать. Настанет лучшее время».

Бунтарь говорит: «Лучшее время – здесь и сейчас. Я не буду ждать никого и ничего, я буду жить сейчас». Бунтарь живет в настоящем.

И еще одно нужно понять: бунтарь ни с кем не борется. Может показаться, что он с кем-то борется, потому что он пытается жить по-своему, но на самом деле бунтарь ни с кем не борется. Может быть, он не станет ходить в мечеть, но он не противник мусульман. Он не будет молиться в храме, но он не противник индуистов. Он знает: «Это не мое; это не для меня». Он просто говорит: «Оставьте меня в покое, будьте так добры. Живите, как хотите, а мне дайте жить по-своему. Не вмешивайтесь в мою жизнь, и я не буду вмешиваться в вашу».

Бунтарский ум смотрит на мир очень реалистично. Жизнь коротка. Никто не знает, придет ли завтрашний день. Будущее неизвестно, и человек может жить только сейчас. Стоит ли тратить этот миг на борьбу с другими? Стоит ли тратить его на попытки переубедить других? Наслаждайтесь этим единственным мигом, радуйтесь ему! Баул – гедонист и эпи-

куреец. Он живет, он любит, он радуется.

Когда баул умирает, он не боится смерти – он готов. Он прожил свою жизнь и созрел. И как созревший плод, баул готов упасть на землю без сожалений.

Вам же будет страшно. Вам уже страшно, потому что у вас никогда не получалось жить. Вы еще не жили, а смерть уже пришла или скоро придет. У вас еще не было времени жить, а смерть уже стучится в ваши двери. Как вы можете встретить смерть? Как можете вы ее приветствовать?

Баул готов умереть в любой момент, потому что не потерял даром ни одного мгновения своей жизни. Он прожил ее настолько полно, насколько было возможно. У него нет ни жалоб, ни обид на жизнь. И ему нечего ждать. Если приходит смерть, он готов к ней. Он приветствует смерть, говоря ей: «Входи!» Даже смерть он встречает как гостя.

Если вы живете правильно, вы будете готовы умереть в мире и блаженстве. Если вы не живете правильно, если вы откладываете жизнь на потом, отодвигаете ее в сторону, если вы находите тысячу и одно занятие, вместо того чтобы любить жизнь и радоваться ей, – тогда, разумеется, вы будете бояться смерти. И когда придет смерть, вы перед ней струсите.

Баул умирает, танцуя. Он поет смерти свою песню и приветствует ее музыкой *эктары* и барабана. Он умеет жить и умеет умирать. И его не заботит бог. Его интересует только *адхар мануш* – сущностный человек. Весь его поиск – это

поиск сущностного человека. «Кто я?» – вот суть его поиска. И баул очень почтительно относится к другим людям, к другим существам, потому что все они обладают сущностной природой. И другие формы жизни – это часть все той же бесформенной сущности природы – все волны принадлежат океану. Баул очень почтителен, бесконечно почтителен, и никогда ничего не осуждает.

Для меня это самый важный показатель духовности человека: такой человек все принимает, в его мире есть место всему, ничто не исключается, ничто не осуждается. Он принимает секс, он принимает *самадхи*. Его мир очень богат, потому что в нем ничто не исключается. Он говорит: «Все приходит из вашего существа; зачем отвергать что-либо? А если отвергать, как тогда достичь источника?» Отвергая, вы за это цепляетесь и не идете дальше. И тогда путешествие не ведет вас к самому источнику.

Жизнь, какова бы она ни была, принимается полностью. Это не значит, что баул просто потокает себе, нет. Он знает алхимический секрет превращения низшего в высшее. Он умеет превращать грубый металл в золото, секс в *самадхи* – он знает секрет.

В чем же этот секрет, секрет трансформации жизни в жизнь вечную, времени – в вечность? Этот секрет – в любви. Между сексом и *самадхи* есть мост, и это – любовь. Этот мост касается обоих берегов: с одной стороны – секс, с другой – *самадхи*. Любовь включает оба берега, объемлет оба

берега...

Через любовь, говорят баулы, человек находит свой вечный дом. И любовь – это единственное, что нужно взять с собой в дорогу. Любовь их молитва, любовь их медитация. Путь баула – это путь любви. Он любит безмерно.

В Индии есть две традиции – ведическая и тантрическая. Учение Вед более формально; по своей сути Веды – это сборники ритуалов, обрядов. В них больше социального, больше организованного.

Тантра обращена к индивидуальности: она меньше заботится об обрядах, формах и привычках и больше – о сущности; меньше – о форме и больше – о духе.

Веды принимают не все, в них больше пуританского, моралистического. В Тантре нет ничего пуританского, она принимает все, в ней больше человеческого и земного. Тантра говорит, что все должно быть использовано, ничто не должно быть отвергнуто. Тантра включает все; в ней больше женского, чем мужского. В Ведах же больше мужского; Тантра более женственна... Конечно, ведь женщина включает в себя больше, чем мужчина. Мужчина содержится в женщине, но женщина не содержится в мужчине. Понятие женщины шире, оно более гибкое и закругленное. Тантра, как и Дао, – путь женственного.

Баулы ближе к Тантре, чем к Ведам.

Но баулы усовершенствовали даже Тантру, решив, что в ней слишком много техник. Само слово «тантра» значит

«техника». Она слишком жесткая, холодная и сухая, слишком научная. Баулы поэтичнее, баулы – певцы и танцоры, они – мягче.

Тантра использует секс, чтобы стать выше него. Секс становится инструментом. Баулы считают, что это неуважение. «Разве можно *использовать* энергию? Использовать как инструмент, как средство?» Для баулов секс это не инструмент, они находят в нем радость и наслаждение. Они делают его объектом поклонения, богослужения и молитвы – но без всяких техник. Для баулов не существует никаких техник, никаких схем. Они любят, и через любовь трансформация приходит сама.

В Тантре человек должен быть свободен от привязанностей. Приверженцы Тантры считают, что, используя секс для достижения *самадхи*, человек должен оставаться абсолютно непривязанным, невовлеченным, совершенно нейтральным, как посторонний наблюдатель – вроде ученого в лаборатории. Более того, тантрики говорят, что нельзя практиковать тантрические техники с женщиной или мужчиной, которых вы любите, потому что любовь будет мешать вам. Будет слишком много привязанности. Вы не сможете сохранить состояние постороннего наблюдателя. Поэтому тантрики выбирают партнеров, которых не любят, к которым не испытывают никакого чувства, чтобы сохранить состояние наблюдателя.

Вот чем баулы от них отличаются. Они считают, что та-

кое бесстрастное отношение к партнеру слишком жестоко. Нет необходимости в такой жестокости, в такой холодности. Трансформация возможна в любви. Именно поэтому я называю их видение более поэтичным, более человеческим и более достойным. Баулы говорят, что можно жить среди привязанностей этого мира и все же оставаться непривязанным; можно любить и все же быть свидетелем; можно стоять на рыночной площади и при этом находиться за ее пределами. Можно жить в мире, но быть не от мира.

Таково же и мое видение. В этом смысл моей *саньясы*: будьте в мире, но не от мира. И ничто не ценно, если только оно не случится в любви.

Вот чего не хватает Тантре – человечности. Получается, что если вы любите женщину, практиковать Тантру уже невозможно. Если вы любите мужчину, практиковать Тантру уже невозможно. Тантра требует полной отстраненности – секс становится чем-то научным, техническим; чем-то таким, что можно *делать*, – не тем, в чем тонут и в чем растворяются; не океаническим, оргазмическим событием, но каким-то делом, которое делают. Сама эта идея – *производить какие-то действия* над другим человеком ради того, чтобы достичь *самадхи*, использовать мужчину или женщину как средство, как инструмент – сама эта идея уродлива и безнравственна.

У мировоззрения баулов совершенно иной оттенок, иной аромат. Баулы говорят: «Не нужно такой жестокости. Не

нужно такого потребительского отношения. Достаточно любить».

Давайте попробуем понять, что они подразумевают под любовью.

Первое стихотворение... Все эти стихи написаны разными баулами, но я не буду называть авторов. Это неважно. Все стихи принадлежат одному и тому же пониманию, *видению*. Стихи разные, но суть – одна; слова разные, формы разные, но в них течет один и тот же поток. Это как гирлянда из цветов: цветы разные, но связывает их вместе одна нить. Мы пойдем за этой нитью. Мы не будем говорить о том, кто написал то или другое стихотворение. Тем более что авторы многих стихотворений неизвестны. Никто не знает, кто написал эти стихи, потому что на самом деле их никогда не писали.

Баулы неграмотны; может быть, поэтому в них есть такая чистота. Баулы некультурны и невоспитанны. Может быть, поэтому в них есть такая невинность. Они дети земли – необразованные, бедные, скромные, но очень искренние. Я не буду говорить, кто написал эту песню и те песни, которые вы услышите в следующие двадцать дней. Это неважно.

Все эти стихи пришли из одного *видения*. В них есть определенная, совершенно особенная мелодия, которая называется *баулсур* – песня баула. Она очень своеобразна, с особенным вкусом и ароматом. Если хотя бы однажды вы услышите песню баула, вы никогда и ни с чем ее не спутаете. В

ней есть индивидуальность, особенный стиль: сырой, нешлифованный, неокультуренный, но самобытный и узнаваемый. Это как вкус морской воды: где ни попробуешь эту воду, – она везде соленая. Так и в этих песнях – вы сразу почувствуете, что они пришли из одного видения, из одного опыта, из одной страсти.

Эти стихи никто не писал. Баулы поют их много веков. Каждый из баулов что-то пропускал, что-то добавлял, сочинял свои песни или пел старые, которые слышал от своих мастеров, – но их видение ясно; услышав песню баула, невозможно ее не узнать.

Первая песня:

Только чуткий мастер любви,
Как ценитель изысканных вин,
Знает речь влюбленного сердца;
Другие к ней глухи.
Вкус лимона живет в середине плода, —
Без труда даже искусный его не достигнет.
Мед лотоса невидим в сердце цветка,
Но пчела о нем знает.
Навозные жуки роются в навозе,
Пренебрегая медом.
Отдавать себя – значит знать, —
Вот секрет всякого знания.

Любовь можно узнать только любя. Любовь не из разря-

да вещей, которые постигаются в интеллектуальных дискуссиях. Любовь не может быть теоретической. Если вы попытаетесь сделать из нее теорию, она останется непостижимой. Это первая аксиома баулов: есть вещи, которые можно узнать, только живя ими, только переживая их.

Если вы не умеете плавать, то никогда и не узнаете, что значит плавать.

Вы, конечно же, можете прийти к тем, кто умеет плавать, и услышать тысячу и один рассказ о том, что такое плавание, но так вы никогда не научитесь плавать, никогда не узнаете, что это такое. Плавание будет совершенно непостижимо; вам придется научиться плавать самому. Нужно будет войти в реку, рискнуть, подвергнуть себя опасности. Очень умный человек скажет: «Я не войду в реку, пока не научусь плавать! Сначала я должен научиться плавать – только тогда я могу войти в реку». И это логично. Но так вы никогда не научитесь плавать, потому что, чтобы научиться плавать, нужно войти в реку...

Плавание узнают только плавая; любовь узнают только любя; молитву узнают только молясь. Другого пути нет. Есть вещи, которые можно узнать, не входя в реку, – бесполезные вещи, интеллектуальные вещи: философию, догмы, кредо. Но что угодно настоящее нужно *прожить*, во все экзистенциальное нужно проникнуть. И рискнуть. Нужно мужество, нужна большая смелость, нужна величайшая смелость, потому что в любви к кому-то другому вы начинаете терять се-

бя. Любить другого – значит потерять это. Любить другого – значит потерять себя. Любить другого – значит дать другому власть над собой. Любить другого – значит стать одержимым. Любить другого – значит сдаться.

Отдавать себя – значит знать, —
Вот секрет всякого знания.

Потому что для баула любовь – единственное знание, которое вообще возможно. Вы можете читать Веды – для этого не нужно терять себя, не нужно сдаваться. Вы можете читать Библию – для этого не нужно сдаваться. Вы можете получить много знаний и умений, но для этого не нужно сдаваться. Если в знании не нужно сдаться, для баула это не будет являться знанием.

Вот критерий баула: только когда требуется сдаться – только тогда можно приобрести настоящее знание. И никак иначе.

Если вы придете ко мне, и я попробую передать вам знание...

Многие приходят ко мне и говорят: «Если мы не хотим принимать саньясу, если мы не готовы тебе сдаться, разве это плохо? Нам нравится то, что ты говоришь. И мы хотим слушать. Нельзя ли нам так же и продолжать? Или есть какие-то препятствия?»

Я говорю: «Можно. Никаких препятствий нет. Но то-

гда вы получите только поверхностное знание. Вы получите только слова. Вам достанутся лишь объедки, упавшие со стола. Вы не будете по-настоящему моими гостями. Вы упустите все, что существенно; вам придется довольствоваться только несущественным. Решайте сами».

Если вы сдаетесь, между мной и вами раскрывается совершенно другой мир: взаимопроникновение идет из самой глубины, от сердца к сердцу. Тогда вы можете слушать мои слова, но вы слушаете совершенно по-другому, с такой глубокой симпатией и любовью, с такой благодарностью и восприимчивостью, что эти слова больше не слова – они наполняются жизнью. Вы оживили их своей восприимчивостью. То, что я говорю вам, что передаю вам, начинает жить и расти внутри вас, как ребенок в утробе матери. Происходит передача, в которой слова – всего лишь предлог. Используя слова, я посылаю вам что-то, что невозможно передать словами. И тогда вас достигают не только слова, но и та атмосфера, которая присутствует в моем сердце.

Если вы любите меня, между мной и вами возникает понимание совершенно другого рода. Если вы не любите меня, и мы далеки друг от друга, тогда мы – посторонние. Тогда вы на какой-то другой планете, в тысячах и тысячах миль от меня. Даже если я буду кричать, может быть, вы и услышите несколько слов, но таким образом не произойдет ничего особенного. Может быть, вы получите какое-то знание, но не в нем суть. Вам нужно больше бытия, больше существа, а не

больше знания. Если вы в контакте со мной, и мое присутствие действительно делает вас богаче, тогда ваше существо растет. Тогда вы становитесь более и более кристаллизованными, более и более подлинными, более и более живыми, более и более божественными. Без любви это невозможно.

А что значит сдаться? Сдаться значит отдать эго, значит отдать все, что вы знаете. Сдаться значит отдать свое знание, ум, интеллект. Сдаться – это значит совершить убийство – убийство вашего прошлого. Если вы тайно приносите с собой прошлое, тогда ваша саньяса будет пустым словом. Вы можете принять саньясу и все же продолжать носить с собой прошлое, скрывая и охраняя его как сокровище. Тогда на поверхности вы будете саньясинами, но не сдадитесь мне. И поэтому, если вы не реализованы, никто, кроме вас, за это не несет ответственности.

Баулы говорят, что экзистенциальные вещи можно узнать только экзистенциальными способами. Любовь можно узнать только любя.

Кто-то спросил Иисуса: «Как мне молиться?» – и он ответил: «Молись». – «Но, – сказали ему, – как раз об этом я и спрашиваю. Я не умею молиться». И Иисус сказал: «Я буду молиться. Сядь рядом со мной и попробуй».

Как научиться молитве? Ее можно уловить, но ей нельзя научиться. Если вы открыты для меня, вы можете многое уловить. Если вы не открыты, вас нельзя ничему научить.

Молитва как инфекция. И любовь как инфекция – ее мож-

но подхватить, уловить, но ей нельзя научиться. Она может передаться вам: она течет всюду. Но если вы живете как острова, если вы закрыты, научить вас никак нельзя.

Баулы поют:

Бог покидает твой храм
Пока ты забавляешься,
Дуешь в раковины и звонишь в колокольчики.
Путь к нему заграждают мечети и храмы.
Я слышу твой зов, «О, Господь!» —
Но не могу подойти:
На пути стоят гуру и учителя.

Бог – всюду; но вы так полны священными писаниями, знаниями, собственным эго, что внутри не осталось места, чтобы бог мог войти. Это невозможно. Это невозможно только из-за вас.

Иисус прав, когда говорит: «Молись, если хочешь знать, что такое молитва». И тот человек также прав, спрашивая: «Как мне молиться? Я этого не знаю. Ты мне не ответил». Иисус ему ответил: «Я буду молиться, это единственный путь. Я преклоню колени в молитве. Сядь рядом со мной, будь открыт и уязвим; может быть, моя молитва передается тебе».

Именно это я пытаюсь делать здесь. Просто будьте открыты ко мне; возможно, что-то передается – очень и очень возможно, – как только вы перестанете преграждать путь, как

только вы прекратите мешать себе. Других препятствий нет – потому что сущностный человек, который говорит с вами, также и слышит. Тогда существо может встретиться с существом. *Адхар мануш* может встретиться с *адхар манушем*. Просто отложите это в сторону, потому что оно не нужно. Встретьте меня своим существом, столкнитесь со мной в своем существе. Тогда внезапно вы увидите, что в вас возникает новый огонь, рождается новая любовь.

Да, отдавать себя – значит знать. Таков секрет всякого знания. Это не интеллектуальное усилие, но тотальное погружение, растворение себя. Именно поэтому баулы больше говорят о любви, чем о знании, – потому что любовь – это то, чего можно достичь только любя, и никак иначе.

Возможно, когда-нибудь вы сможете научиться плавать, не входя в реку. Уже существуют такие способы обучения вождению автомобилем, когда не нужно даже подходить к дороге. Вы просто садитесь за руль машины, которая стоит на месте, и смотрите фильм, благодаря которому создается иллюзия, что вы едете по дороге. В фильме все движется так же быстро, как и в жизни. И вы, как водитель, должны принимать правильные решения. Учитель показывает вам, что и как нужно делать, а вы при этом просто сидите в машине. Наверное, так можно научиться вождению, и уж наверняка так безопаснее. Я думаю, что однажды вы сможете просто лечь на диван, а вокруг будет фильм про реку, и вы сможете начать... По крайней мере, можно будет научиться основам.

Но любовь? Мне кажется, в любви это никогда не будет возможно. Многие люди пытаются научиться любви по фильмам. Кто-то пытается узнать о любви из порнографических изданий. Другие читают романы, стихи, чужие любовные письма. Но узнать о любви – не значит узнать любовь. Фактически, чем больше вы знаете о любви, тем меньше у вас возможности узнать любовь. Вы заблудитесь в своих знаниях. Вы лишь начнете думать, что знаете.

Замечали вы когда-нибудь тот факт, что актеры, профессионально изображающие любовь, как правило, несчастливы в личной жизни? Мэрилин Монро покончила с собой, когда была на вершине успеха. Весь мир был в нее влюблен, президент Кеннеди был в нее влюблен... Но отчего-то ее жизнь была пуста. Она покончила жизнь самоубийством на пике своей славы. Такая красивая женщина! Что случилось? Почему актеры и актрисы всегда несчастливы в настоящей любовной жизни? Они столько знают о любви, что не могут быть в любви настоящими. Они продолжают играть те же роли, продолжают играть в те же игры. Они играют на сцене, они играют в жизни. На сцене все хорошо, потому что ничего не происходит. Но в реальной жизни – пустота. И они продолжают делать пустые жесты.

Помните: можно много знать о любви, но это не поможет узнать любовь. Любовь можно узнать, только любя. Это значит, в любовь нужно войти, ничего о ней не зная. Именно поэтому она требует мужества. Нужно идти в темноте, без

карт, без света, без проводников. Нужно идти, не зная, куда идешь, на правильном ли ты пути и найдешь ли дорогу, или упадешь и потеряешься навсегда. Это большая храбрость.

Баулы – очень храбрые люди.

Они поют:

Только чуткий мастер любви,
Как ценитель изысканных вин...

У любви много оттенков, нюансов, измерений. Любовь многомерна. Она богата, неизмеримо богата. У нее множество лиц. Она как бриллиант: у него много граней, и каждая грань бесценна.

Чуткий мастер любви, как ценитель изысканных вин... – тот, кто много любил; тот, кто жил и любил, и был смел, и не бежал от опасности; тот, кто узнал все оттенки и грани любви... Вы не замечали? – слово *любовь* не выражает всего смысла. Это только одно слово. Во всех древних языках было много слов для любви, потому что любовь бывает такая разная, и ее бывает так много. Английский язык беден в этом смысле, не так ли? Ведь вы *любите* машину, вы *любите* женщину, вы *любите* дом, вы *любите* свою страну, вы *любите* ребенка, вы *любите* мать. Всего одно слово! Вы *любите* сигареты определенной марки. Как это бедно! – ведь у любви много граней...

Когда вы любите ребенка, вы любите его особенной любо-

вью. Это не та же любовь, что любовь к женщине или мужчине. В ней нет страсти. В ней есть сострадание, но нет страсти. Когда вы любите мать, это совершенно другое чувство: в нем есть почтительность, в нем есть глубокая благодарность. Но когда вы любите женщину или мужчину, это совершенно другое чувство: в нем есть интенсивность, почти сумасшедшая интенсивность – эта любовь не такая, как любовь к матери. Вы любите друга: это тоже совершенно иная любовь. Это глубокое чувство, но оно совершенно иное.

Если вы обратите внимание, то увидите множество граней любви. В одном слове скрыто множество слов. И человек должен узнать о любви все, прожить все ее измерения. Если вы не знали одной из граней любви, ваше понимание любви будет в чем-то неполно. Человек должен знать все ее грани, все тонкие нюансы. Именно это хотят сказать баулы, когда говорят:

Только чуткий мастер любви,
Как ценитель изысканных вин,
Знает речь влюбленного сердца;
Другие к ней глухи.

Да, это целый язык. Одного слова недостаточно – это целый язык. И, поняв это, вы удивитесь! Вы можете коснуться чьей-то руки как друг, и у этого прикосновения будет свой оттенок; вы можете коснуться чьей-то руки как любовник, – и у этого прикосновения будет другой оттенок.

Чуткий мастер любви – ценитель – он с закрытыми глазами сможет почувствовать вашу руку, и он узнает... он поймет речь сердца.

Вы никогда не замечали? Когда кто-то смотрит на вас с вожделением, с похотью, вы сразу это чувствуете. Когда кто-то смотрит с глубокой любовью, вы ощущаете этот взгляд по-другому. Когда кто-то смотрит как друг, вы ощущаете этот взгляд уже иначе. Но это только начало. Потому что в сострадании тоже есть много слоев.

Если вы рядом с буддой, его сострадание обладает совершенно иным качеством. Ваше сострадание – это скорее жалость, снисхождение. В сострадании будды нет ничего от вашей жалости. Его сострадание чисто.

Когда будда дает вам свою любовь, в ней нет ничего от той любви, которую вы знали до сих пор. Такую любовь знает только будда. В ней нет страсти, она прохладна. Она не горяча не потому, что лишена тепла, в ней есть тепло, но все же она прохладна. Она охлаждает вас, чтобы вы могли приблизиться к будде. Она помогает вам собраться и стать спокойнее. Она не создаст у вас внутри шума. Она заставит весь шум утихнуть; она будет смягчающей силой. Она окружит вас, как едва уловимый аромат, и сгладит все, что было резко и жестко. Она будет как колыбельная. Вы вдруг чувствуете себя так, будто засыпаете у сердца матери. В такой любви есть что-то от матери, что-то от отца, что-то от возлюбленной, возлюбленного, что-то от ребенка. В ней есть каждый

из тонких нюансов. В ней есть все измерения любви, и они сочетаются в глубокой гармонии. Когда вы приближаетесь к будде – это оркестр, состоящий из всех оттенков любви.

Иногда будда кажется вам похожим на ребенка; вы можете с ним поиграть. Его улыбка или его существо дают вам ощущение, что он просто ребенок – вы можете быть для него как мать. Иногда он как мать, а вы – как маленький ребенок. Иногда он как будто становится вашей возлюбленной, возлюбленным, и вы можете любить его – только его, никого другого. А иногда он просто друг. Он – все.

Все меняется из-за вас: меняется ваш взгляд, меняется ваше видение. Вы не видите его одновременно и полностью. Вы смотрите на него с разных сторон. В одно время вы видите одну его сторону, в другое время – другую, потому что вы не можете постичь целое.

Только чуткий мастер любви,
Как ценитель изысканных вин,
Знает речь влюбленного сердца;
Другие к ней глухи.

Другие не могут даже догадываться. Вам придется войти в мир любви. И не спрашивайте, как. Вам придется идти в темноте, и не просите карты – потому что сама эта просьба противоречит любви. Именно поэтому необходимо доверие – *шраддха*. Если вы кому-то верите, вы говорите: «Да. Если ты пошлешь меня в темноту, я пойду в темноту. Если ты по-

шлешь меня на смерть, я пойду на смерть».

На пути любви доверие важнее всего. На пути медитации можно двигаться без доверия. На пути медитации можно двигаться, не сдаваясь, но на пути любви, не сдавшись, без доверия, вы не двинетесь с места, потому что это самая первая дверь. Любовь требует много, очень много. Она требует почти невозможного, и с первого же шага. Это легкий путь – любовь, но он очень требовательный. Именно поэтому, хотя этот путь и легкий, очень немногие идут по нему. Путь медитации очень трудный, но не настолько требовательный. Именно поэтому, хотя этот путь очень и очень труден, по нему путешествуют многие.

Когда вы слышите о любви, кажется, что это очень легко и просто, но посмотрите на требования. То, что на пути медитации потребуется в последнюю очередь, на пути любви требуется уже с первого же шага.

Медитирующий должен будет отдать свое эго, лишь совершая последний шаг: когда он переходит от *савикална самадхи* к *нирвикална самадхи*, когда он переходит от ума к неуму, – это последний шаг. Сначала он очищает свой ум, очищает эго. Постепенно он делает его более и более тонким, тоньше и тоньше, пока его эго не станет неуловимым, отточенным, отшлифованным, пока от него не останется только тень. С последним шагом ему придется отбросить даже эту тень.

Любовь требует невозможного. Она говорит: с первого же

шага вы должны отбросить это. Не нужно его шлифовать, не нужно над ним работать. Если его придется отбросить, зачем трудиться и нести его дальше? Отбросьте его здесь и сейчас.

В медитации доверие возникает на последней стадии. Доверие возникает, только когда вы прибываете домой. Когда прибытие очень близко, когда вы приближаетесь почти вплотную и видите дверь, видите дом, тогда возникает доверие. Тогда вы говорите: «Да».

Но на пути любви доверие требуется с первого же шага. Первый шаг любви такой же, что и последний шаг медитации. Этот путь будет очень легким, если вы человек большой храбрости, почти сумасшедшей храбрости. Если вы почти безумны и готовы рискнуть всем, путь будет очень легким – потому что он заканчивается с первым шагом. Первый шаг становится и последним.

Только чуткий мастер любви,
Как ценитель изысканных вин,
Знает речь влюбленного сердца;
Другие к ней глухи.

Сведущие люди, искусные в медитации, в интеллектуальном восприятии, в созерцании, в концентрации, – они не знают этого языка. Они к нему просто глухи.

Вкус лимона живет в середине плода, —
Без труда даже искусный его не достигнет.

Та любовь, о которой говорят баулы, – вернее, о которой поют и танцуют баулы, – живет внутри вас, в самой середине вашего существа. Она уже есть. Нужно только найти способ достичь своей середины, своего внутреннего центра – *адхар мануша*, сущностного человека. Это не что-то такое, чего нужно добиться, – это уже есть. Это не что-то такое, что нужно заслужить, – это подарок бога.

В то самое мгновение, как вы были созданы, вы получили в подарок сокровище. Знали вы когда-нибудь человека, который жил бы без любви? Знали вы человека, который жил бы без дыхания? Любовь – само дыхание души.

Баулы говорят: «Как тело не может жить без дыхания, душа не может жить без любви». Может быть, вы это знаете, может быть, не знаете, но внутри вас всегда продолжается любовь. Она пульсирует; это сам ваш пульс. Нужно только суметь попасть внутрь, потому что вы всегда идете наружу в поисках других сокровищ, которые не принадлежат вам, которые *никогда* не могут принадлежать вам.

Именно поэтому баул живет как нищий. Это очень символично. Он говорит: «Я не ищу другого сокровища. Достаточно меня самого – мое сокровище слишком велико. Я уже король. Мне не нужно никакого другого королевства; мое королевство уже со мной». Он живет как нищий, но если вы встретите баула, вы увидите, что он живет как король. Даже короли не так величественны, даже короли не так блаженны,

как блажен баул. Вся его жизнь состоит из блаженства; он не знает другого вкуса. Он не знает тревог, он ни о чем не беспокоится. Он живет в каком-то неведомом измерении изящества духа. Ничего не имея, он имеет все. У него ничего нет, но ему принадлежит весь мир.

Баулы поют:

В зеркале неба я вижу свою душу.

О, баул пути, о баул, мое сердце!

В зеркале неба я вижу свою душу.

О мое неразумное сердце,

Ты не смогло возделать человеческую землю.

Возделанная, она принесла бы золотой урожай.

Когда живешь в согласии —

Цель в пределах твоего достижения.

И то, что не имеет формы, открывается твоим глазам.

Когда живешь в согласии, мм? – вот путь к тому, чтобы найти внутреннее. Когда вы в согласии, когда в вас нет внутреннего конфликта, вы на правильном пути. Именно поэтому баулы всегда говорят, что жить надо без внутреннего конфликта – естественно, спонтанно. Не создавайте внутри никакой раздвоенности, иначе вы никогда не сможете достичь – для этого необходимо, абсолютно необходимо состояние согласия. Когда вы обретаете гармонию – двери открыты. Когда живешь в согласии – цель в пределах вашего достижения. И то, что не имеет формы, открывается вашим глазам.

Баулы поют:

Не забывай: в твоём теле
Живёт вся Вселенная.
Я переполняюсь счастьем и удовлетворением,
Когда становлюсь дыханием в твоей флейте.
Исчезнуть в этой мелодии,
Чего ещё могу я желать?

Баул переполняется счастьем и удовлетворением в то мгновение, когда внутри себя он приходит в глубокое согласие. Его песня, его танец – просто попытка прийти в согласие с самим собой.

Видели вы, как кто-то танцует? Что происходит? Наблюдали вы когда-нибудь за собой, когда вы танцуете? Что происходит? Танец кажется одним из самых глубоких состояний, в которых человек приходит в гармонию. В танце ваше тело, ваш ум, ваша душа приходят в гармонию. Танец – одно из самых духовных явлений в этом мире. Если вы танцуете по-настоящему, вы не можете думать. Если вы танцуете по-настоящему, то тело полностью вовлечено в этот танец, и вся энергия движется и течёт. Танцор теряет форму, жёсткую форму. Танцор становится движением, процессом. Танцор больше не материя: он движение, он энергия. Он тает.

Великие танцоры рано или поздно тают. Танцор не может сохранить эго, потому что, если он сохранит эго, в его танце оно будет фальшивой нотой. Настоящий танцор теряет эго в

танце. Он забывает, что он есть, и теряется; остается лишь танец. Тогда дверь открывается, потому что вы – одно единство. Теперь душа не отдельна, ум не отделен, тело не отделено. Все слилось, все растаяло и сплавилось в одно.

О Нижинском, одном из величайших танцоров мира, рассказывают, что в какие-то моменты, подпрыгнув, он падал вниз так медленно, что это было почти невозможно. Он падал как перо, как если бы гравитация не имела над ним власти. Ученые беспокоились: «Этого не должно быть, этого не может быть!» Но это было. Ни один другой танцор не имел такой способности.

И конечно, Нижинский сошел с ума; он стал баулом. Его безумие относится к тому разряду, который еще не понят нами. Поскольку он жил на Западе, никто не мог понять, что с ним случилось. Его поместили в лечебницу и стали лечить электрошоком и инсулиновыми инъекциям. Живи он на Востоке, он стал бы одним из величайших баулов. Его безумие не было бы тем безумием, которое нужно лечить; оно было бы безумием, перед которым стоит склониться.

Но как он сошел с ума? Он сошел с ума в танце. Когда его спрашивали, он говорил: «Это случается, только когда я теряю себя, и я ничего не могу об этом рассказать. Если я есть, этого не происходит. Я пробовал. Если я есть, если я пытаюсь сделать это намеренно, сознательно, этого никогда не происходит. Но бывают мгновения, когда я теряюсь. Тогда я просто не знаю, кто совершает прыжок, – и тогда это

происходит. Я сам удивляюсь. Я сам не знаю, как и почему, но это происходит только в те моменты, когда я теряюсь».

Именно это говорят баулы: когда ты танцуешь, становишься вихрем, и мало-помалу совершенно теряешься в танце, это происходит. Что-то ломается внутри. Препятствия рушатся. Человек становится единством. Что-то распространяется по всему существу – космический оргазм! Это моменты сонастроенности с существованием. Эти моменты – дзенские *сатори*. Но баулы знают лучший метод, чтобы их достичь. В дзен нужно работать двенадцать, пятнадцать, двадцать, тридцать лет. Это очень медленный процесс. Это путь медитации.

Баулы идут иным путем. В тот день, когда вы решите: «Я готов отбросить эго», – вы вдруг открываетесь богу, и бог открывается перед вами. Сущностный человек возникает из не-сущностного; происходит трансформация. И в это мгновение вы полны любви; вы – любовь; ваша энергия – любовь. В этот миг вы способны благословить все существование. Когда внутри вас нет конфликта, не может быть никакого конфликта между вами и существованием. Вот в чем секрет: отбросьте конфликт внутри себя, и одновременно будет отброшен ваш конфликт с существованием. Станьте едины внутри, и вы станете едины с существованием.

Вкус лимона живет в середине плода, —
Без труда даже искусный его не достигнет.

Достичь его действительно очень трудно, потому что трудно отбросить это. Но другого пути нет.

Мед лотоса невидим в сердце цветка,
Но пчела о нем знает.
Навозные жуки роются в навозе,
Пренебрегая медом.
Отдавать себя – значит знать, —
Вот секрет всякого знания.

Баулы называют навозными жуками тех, кто живет из ума. *Пандиты*, эксперты, знающие – они и есть навозные жуки. Они никогда не найдут дорогу к лотосу... найдет только пчела.

Станьте пчелой; станьте влюбленным. Пчела находит путь, потому что она *любит* мед. Почему навозный жук не может найти путь? Он тоже находит путь – но это путь к навозу.

Баулы говорят: «Что бы ты ни любил, ты становишься тем, что любишь. Что бы ты ни любил, ты найдешь то, что любишь».

Будьте осознанны в своей любви: не любите машины, не любите дома, не любите банковские счета – потому что всем этим вам придется тогда стать. Вы станете навозным жуком. Не любите навоз.

Если любить – любите что-то божественное, что-то та-

кое... трансцендентное, превосходящее вещи и формы; что-то такое, что заставит вас поднять глаза к небу. Любите Гуришанкар; любите самую высокую из вершин. Если вы будете любить навоз, вы придете к навозу, вы найдете навоз – потому что мы всегда находим дорогу; куда бы ни вела наша любовь, мы идем за ней. Пчела любит лотос. И она найдет его. Любовь укажет ей путь. Как бы лотос ни спрятался, пчела найдет его.

Я слышал...

Прекрасная королева Эфиопии захотела стать возлюбленной Соломона – самого мудрого из мужчин. Но чтобы проверить, действительно ли Соломон так мудр, как о нем говорят, она решила испытать его и принесла Соломону цветок, сделанный из бумаги, но так искусно, что его нельзя было отличить от настоящего. Остановившись достаточно далеко от Соломона, королева сказала:

– У меня в руке цветок. Можешь ли ты, не сходя с места, определить, настоящий ли он?

Соломон ответил:

– Здесь слишком темно, я стар и плохо вижу. Пусть откроют окна.

Окна открыли. И Соломон сказал:

– Нет, этот цветок поддельный.

Тогда королева вынула другой цветок.

– А этот? – спросила она.

Цветок был точно такой же, как и первый, но это был на-

стоящий цветок.

Соломон сделал вид, что рассматривает цветок, а потом ответил:

– Да, этот цветок настоящий.

Королева была поражена: как ему это удалось?

– Как ты узнал? – спросила она.

– Очень просто, – сказал Соломон. – Я просил открыть окна, чтобы влетели пчелы. Они показали. К первому цветку не подлетела ни одна пчела...

Когда вы что-то любите, у вас появляется сверхъестественное чутье, чувство направления. Ваша любовь ведет вас, указывает дорогу.

На расстоянии многих миль расцветают цветы, и пчелы тут же летят к цветам. В них говорит почти сверхъестественное чувство; это сверхъестественное чувство – не что иное, как любовь.

Вы найдете путь к предмету своей любви. Но выбирайте предмет очень осторожно, потому что этот выбор определит всю вашу жизнь: ее направление, предназначение. Ваша любовь будет вашим предназначением. Любите то, что прекрасно; любите то, что от сверхсуществования; любите нечто божественное – и вы найдете к нему путь.

Баулы говорят: «Когда нет страха, достаточно лишь любви – она направит и поведет тебя».

Мед лотоса невидим в сердце цветка,

Но пчела о нем знает.
Навозные жуки роются в навозе,
Пренебрегая медом.
Отдавать себя – значит знать, —
Вот секрет всякого знания.

Отдавать себя – значит знать; таков секрет знания, ибо та-
ков секрет любви. А любовь – единственное, что стоит знать.
Достаточно на сегодня.

Глава 2

В объятьях Луны

Первый вопрос:

Ошо, меня всегда влечет сюда глубокая неудержимая сила, но почему, как только я тебя вижу, меня охватывают дрожь, благоговение и трепет?

Все так и должно быть. Человек должен чувствовать благоговейный трепет, потому что это единственное, что может сделать его религиозным, – это единственная дверь. Через благоговение ты начинаешь чувствовать божественное во всем. Глаза, полные благоговения, не могут не видеть бога, это невозможно. А те, кто забыл это чувство, не могут принять бога. И дело не в боге... Если ты еще способна удивляться и благоговеть, и это чувство огромно и настолько всепроницающе, что замирает мысль и все останавливается, – и ты оказываешься вне времени и пространства, – в такие моменты ощущается присутствие божественного.

Но человек стал бояться этого чувства. Когда-то понятие *благоговейный трепет** было священным, сакральным. Сегодня же вы используете его, когда хотите сказать, что вам страшно, что вам плохо. Когда-то люди переполнялись *благоговейным трепетом* в молитве, соприкасаясь с божественным. Сегодня же это понятие утратило свое значение – *бла-*

гоговение исчезло, остался только *трепет*. Понятие разрушилось полностью. Когда-то оно было на вершине, сейчас оно – на дне. Когда-то оно обозначало прекрасное и возвышенное чувство, сегодня же оно используется для обозначения чувства негативного. Как это произошло? На то были причины.

Всегда, когда люди испытывают благоговение, они чувствуют еще и страх. Это естественно, потому что в благоговении вы соприкасаетесь с тем, что неизвестно, незнакомо, таинственно, странно и чем нельзя управлять, нельзя манипулировать, нельзя владеть. Внезапно вы сталкиваетесь с чем-то огромным, с чем-то непостижимым, и вы чувствуете растерянность. Рождается страх – и вы начинаете бояться.

Все древние религии, описывая бога, употребляли два слова: *misterium* и *tremendum*** . *Misterium* – потому что бог – это та тайна, которая никогда не будет разгадана; а *tremendum* – потому что человек не может не испытывать ужас перед ним.

Эти два чувства приходят вместе, но уделяйте больше внимания первому чувству, иначе двери храма перед вами никогда не откроются. Делайте акцент на позитивном чувстве, учитесь быть перед лицом неизвестного; быть в присутствии чего-то такого, чем вы не можете манипулировать; быть в присутствии чего-то такого, на милость чего вы должны сдаться; и сдаться – это единственное, что вы можете сделать, единственное, что вообще возможно.

Ты испытываешь благоговение, но в то же время ты боишься – из-за этого и появился твой вопрос. Наверное, ты уделяешь слишком много внимания негативной, теневой стороне. Если это так, то постепенно ты закроешься и перестанешь чувствовать благоговение. А без благоговения ты не сможешь чувствовать бога.

Говорят, философия возникает из удивления. Это правильно, абсолютно правильно: философия возникает из удивления. А религия? – религия возникает из благоговения. В чем разница между удивлением и благоговением?

Когда вы сталкиваетесь с чем-то удивительным, загадочным – вы стремитесь разгадать это. Вы обдумываете, пытаетесь понять, что же это такое? Удивительное ставит перед вами вопросительный знак, и вы начинаете бороться с ним. Поэтому философия – это борьба с удивительным. Она возникает из удивления, потом пытается найти ему объяснение, чтобы можно было это удивление рассеять – рассеять невыразимое, необъяснимое... Удивление вызывает неудобство, внутреннее напряжение. И философы ищут средства, чтобы освободиться от этого неудобства. Они пытаются найти какой-то ответ, чтобы можно было отбросить вопросы, чтобы тайна перестала быть тайной. Философия всегда против удивительного.

Религия же возникает из благоговения. Благоговение – это тоже удивление, но с одним отличием: оно не ставит вопросительных знаков. Наоборот, оно пробуждает любовь,

глубокою благодарностью, скромностью, простоту. И тогда вам просто хочется склониться... Удивительное в благоговении – это не проблема для разрешения, это глубокая и почти-тельная тайна. Вам не хочется думать об удивительном, потому что думать о безграничном невозможно. Вам хочется встать перед ним на колени и молиться. Вам хочется только молиться, утонуть в удивительном, утонуть в глубокой любви.

Удивление становится благоговением, когда оно не создаст в вас вопросительного знака; и наоборот, благоговение становится удивлением, если оно создает в вас вопросительный знак. В этом разница между религией и философией – их пути ведут в противоположные стороны. Философ продолжает думать и думать, а религиозный человек постоянно отбрасывает думание.

Бог входит в тебя через благоговение.

Второй вопрос:

Ошо, я всегда жажду попасть сюда, но почему, как только я тебя вижу, меня переполняет страх?

Все так, как должно быть. Если ты не переполнена трепетом, приходить ко мне бессмысленно. Если тебе не хочется молиться, не хочется склониться, сдаться, – значит, ты так и не пришла ко мне. Физически ты можешь находиться рядом, но духовно мы останемся бесконечно далеко друг от друга.

Каждый день я вижу, как многие люди, у которых еще живо сердце, ощущают в себе этот трепет, но они стремят-

ся сразу же подавить его. Потому что им кажется, что этот трепет – их слабость, слабость, которую нельзя показывать. Ведь они привыкли сдерживать свои слезы. И они приходят ко мне со множеством вопросов... Но вдруг случается чудо – они забывают свои вопросы, потому что в благоговейном состоянии любые вопросы исчезают.

Но тогда этих людей начинает беспокоить, куда же делись их вопросы? Они лихорадочно ищут, за что бы уцепиться внутри, чтобы только благоговение не становилось слишком ошеломляющим. Иногда люди начинают задавать совершенно дурацкие вопросы – только ради того, чтобы хоть что-то спросить. Они просто хотят, чтобы никто не узнал, что они потеряли почву под ногами, что их захватило нечто такое глубокое, чему они не в силах сопротивляться... Но тогда они упускают. Они считают, что пришли ко мне? Нет, они не пришли.

Если вы приходите ко мне – будьте готовы. Главное не в том, чтобы задавать какие-то вопросы. Спрашивать вообще не о чем! Нужно просто быть рядом, быть со мной... – сонстроиться со мной, дышать вместе со мной, позволить вашему сердцу биться в такт с моим. Тогда вы сможете посмотреть моими глазами и почувствовать вкус того, чем я совершенно захвачен и одержим.

Я знаю, это пугает. Потому что, сталкиваясь с чем-то большим, чем он сам, ум всегда говорит: «Не иди дальше, там может быть опасно. А вдруг ты оттуда не вернешься?»

Ум кричит вам: «Это почти безумие! Сохраняй рассудок, сохраняй способность мыслить, сохраняй логику!» Что вы будете с этим делать? Ведь вас только и учили логике... но никого и никогда не учили любви. А чувство благоговения просто пытается утвердить в вас нечто такое, что идет из самого вашего сердца! То, что было подавлено обществом, умом и всеми теми, кто пытаются управлять вами.

Ум есть не что иное, как общество внутри вас: священники, политики, жаждущие власти люди – они стали вашим умом и пытаются манипулировать вами изнутри. Когда возникает чувство благоговения, – вы погружаетесь в безграничный океан, и вы не знаете, что будет дальше. В такие минуты вам может захотеться убежать, закрыть глаза, как-то сдержаться, чтобы сохранить контроль... Это потому, что вам всегда говорили, что контроль – это большая ценность. И вы и продолжаете контролировать, даже там, где это совершенно не нужно, где это не мешает вам жить, где это почти равносильно смерти. Вы не умеете доверять, потому что доверять – значит быть готовым передать контроль кому-то другому. Но вы не можете сдать, не можете любить, не можете молиться. Даже когда вы занимаетесь любовью, вы не можете забыть о контроле; глубоко внутри вы продолжаете все контролировать. И поэтому пик не приходит. Вы можете сколько угодно изучать техники любви, стать очень компетентным любовником, но любви все равно не будет, потому что любовь не имеет к этому никакого отношения.

Любовь случается только тогда, когда вас нет. Любовь случается только тогда, когда вы сдаетесь существованию. Тогда это величайший оргазмический опыт. Тогда вы достигнете вершины своего существа и смотрите на жизнь с вершин Гималаев, вы смотрите с Гуришанкара. Тогда возникает абсолютно иное видение, и оно трансформирует вас.

Так что, если вы приходите ко мне, будьте готовы потерять контроль, будьте готовы потерять себя. Ради этого вы и пришли, а иначе – не приходите. Если вы о чем-то спрашиваете, не исходите из своего знания – даже вопросы должны быть из любви. Вопросы должны быть о том, как глубже войти в тайну, а не о том, как ее разоблачить и как ее объяснить. Они должны быть о том, как двигаться глубже и глубже в извечно необъяснимое, – потому что именно это и есть бог.

Ощутите через меня некоторый вкус бога – позвольте мне стать дверью.

Вам будет трудно встретиться с богом, с Целым, напрямую – это слишком непостижимо, слишком ослепительно. Невозможно прямо смотреть на солнце – вы повредите глаза. В этом и состоит назначение мастера: он дает вам бога в тех дозах, которые вы можете перенести. Он дает вам бога в гомеопатических дозах и постепенно их увеличивает. Чем больше вы будете способны усвоить, тем больше он вам даст. Однажды, когда вы окажетесь готовы сами встретиться с солнцем, мастер просто исчезнет. Он не будет больше стоять между вами и богом.

Это похоже на то, как вы учитесь плавать: сначала вы учитесь на мели, у самого берега. Это разумно, это безопасно. Затем, по мере того как вы набираетесь уверенности, вы входите в реку глубже. И вот однажды вы чувствуете, что готовы отправиться в океан.

Когда вы приходите ко мне, позвольте быть *мне*, – вместо того, чтобы настаивать на своем собственном присутствии. Растворитесь, позвольте быть мне. Откройте окна и двери и выпустите меня, позвольте мне пройти сквозь вас. Тогда случится многое. От ваших вопросов ничего не случится, потому что они – не больше, чем просто колебание вашего ума. Но я вижу, что каждый раз, когда люди переполняются благоговением, они начинают защищаться... Тогда все теряется. Не защищайтесь. Если вы будете защищаться, как я смогу вам помочь? Это невозможно, я не могу вам помочь против вашей воли. Но я могу помочь вам, если вы сотрудничаете со мной. Если вы участвуете в происходящем – только тогда путешествие может начаться.

Я чувствовал это много раз: многие хотели бы отправиться в путешествие, но как только они делают первый шаг, то начинают цепляться за то место, на котором они стоят, они не хотят терять почву под ногами. Но как тогда может случиться путешествие? Вы должны постоянно терять то, что у вас есть, чтобы достичь то, чего у вас нет.

Иисус сказал: «Те, кто хочет следовать за мной, должны оставить все, даже самих себя. Они должны отречься от са-

мих себя». И он прав, но на это требуется много времени. То, что может случиться между мастером и учеником за одно мгновение, в действительности требует долгого времени, потому что ученик продолжает защищаться, продолжает рационализировать.

Баулы поют:

Ищи...

Ищи его в храме своего тела —

Он там.

И там он царит над миром,

Там ведет свою речь и поет волшебные песни.

Он – лучший мастер игры в прятки,

Никто не может его найти.

Не пытайся его поймать, мое сердце,

Ты его никогда не поймаешь!

Ты можешь лишь надеяться на него

Всей силой своей веры.

Если вы пребываете в глубоком благоговении и трепете, и если вы достаточно мужественны, чтобы оставаться в этом состоянии, вскоре ваше сознание претерпит колоссальный сдвиг, произойдет поворот на сто восемьдесят градусов. Если вы можете оставаться в благоговении несколько секунд, не прерывая его, не загрязняя своими мыслями, защитами, рационализациями, если вы можете оставаться в благоговении во всей его чистоте, ничего не делая, просто пребывая в

нем, – тогда с вами произойдет переворот. Это то, что христиане называют переходом. Не в том смысле, что индуист становится христианином или наоборот – это глупость. Переход означает величайший переворот в сознании человека. Если вы можете оставаться со мной несколько мгновений, просто быть в чистом благоговении, никаким образом не разрушая его, вообще ничего не делая, просто находясь в нем и позволяя ему быть, – произойдет сдвиг, поворот на сто восемьдесят градусов, переход. Внезапно я исчезну – и вы окажетесь лицом к лицу со своим существом.

Бог прячется у вас внутри.

Ищи...

Ищи его в храме своего тела —

Он там.

И там он царит над миром,

Там ведет свою речь и поет волшебные песни.

Он – лучший мастер игры в прятки,

Никто не может его найти.

Потому что любое усилие увидеть Бога отделяет его от вас. Сама попытка найти его делает его объектом. Но он не объект, он – это ваша субъективность. Его нельзя свести к вещи, он не вещь. Он не искомое, он сам – ищущий. Он ваше сознание в его наивысшей чистоте. Он ваше внутреннее небо. Вы никогда не увидите его, потому что он прячется внутри вас.

Есть прекрасная притча.

Когда Бог еще жил на Земле, ему приходилось трудно. Его все время кто-нибудь беспокоил своими жалобами. Ему давали так много советов, как улучшить мир, что у него голова шла кругом. Советчиков были миллионы. Из-за них казалось, что решительно все в этом мире устроено неправильно. Если он удовлетворял просьбу одного – тысячи других оставались недовольными. Однажды Богу это надоело, и он решил спросить у своих советников, где ему лучше спрятаться, и тогда один из них предложил:

– Почему бы тебе не перебраться на Гуришанкар, на Эверест? Там к тебе никто не придет...

– Вы не знаете будущего, – сказал Бог. – Через несколько минут... – а для Бога несколько минут, что для нас столетия, – ...всего через несколько минут один тип по имени Хилари заберется на эту вершину, и тогда все опять будет по-старому.

– Почему бы тебе не отправиться на Луну? – посоветовал другой.

– Это тоже дело нескольких минут, – ответил Бог. – Вскоре человек доберется и до Луны. Это ничего не решит, это будет только отсрочка.

Наконец, один старец приблизился к Богу и прошептал что-то ему на ухо. Бог обрадовался и воскликнул:

– Верно! Похоже, это – лучший выход!

Тот советник сказал Богу:

– Спрячься в самом человеке. Там он тебя никогда не найдет. А если даже когда-нибудь найдет... если тот человек будет достаточно мудр, чтобы найти тебя внутри себя самого... такой человек не станет докучать тебе. Такие, как Хилари, могут создавать проблемы, но не будды... Когда они найдут тебя внутри самих себя, они станут почти такими же, как ты. У них не будет жалоб, у них не будет вопросов. Они будут столь же безмолвны, что и ты, они будут столь же глубоки. Когда они найдут тебя внутри самих себя, они претерпят трансформацию. Путешествие преобразит их.

Бог прячется внутри вас, но вы не можете увидеть его, потому что не знаете, как войти внутрь.

Один из методов, один из путей – это медитация: начните отбрасывать свои мысли. Однажды, когда не станет мыслей, не станет волнения, вы будете вне ума – вы войдете в это пространство, и случится переход.

Другой путь – молитва.

Этот вопрос задала Рама Бхарти – моя саньясинка. Ее путь – путь любви и молитвы. Именно поэтому она говорит о трепете и о благоговении. Когда она приближается ко мне, я вижу, что она трепещет – как будто сквозь нее дует какой-то неведомый ветер. Я вижу, что в ней пульсирует какой-то неведомый ритм. Любовь – ее путь. Она должна использовать это свойство, свою способность к благоговению. Ведь это редкость, которой обладают лишь очень немногие люди, – она исчезает из мира.

Люди стали слишком интеллектуальны. Они забыли язык сердца. Благоговение – это основа, азбука этого языка. Почувствуй его, сдайся ему, позволь направлять тебя, и оно приведет тебя в храм твоего собственного существа, твое сознание претерпит величайшую трансформацию – случится переход. Внезапно ты перестанешь смотреть на меня, ты начнешь смотреть на саму себя. Это единственный способ познать бога.

Третий вопрос:

Ошо, когда ты был еще дзенским мастером и говорил, что мы должны выбрать свой путь и придерживаться его, я была уверена, что мой путь – путь ума, и что я никогда не смогу никому сдаться. Теперь же, после беседы о баульских мистиках, я смогла почувствовать себя влюбленной, как школьница.

Но как мне выбрать путь, если его нет? И как мне стать светом для самой себя, если твой свет слепит меня каждое утро?

Я могу понять твое затруднение, но оно искусственное. Я буду бросать вас от одного пути к другому много раз – потому что для вас это единственный способ установить, каков ваш собственный путь. Иногда я буду толкать вас по направлению к медитации; иногда – по направлению к любви, к молитве. Вам нужен вкус и того, и другого; лишь тогда вы сможете принять определенное решение; никак иначе. Просто слушая меня, вы ничего не решите, потому что, пока вы

слушаете, вы слишком впечатлены мною.

Так что это часть *метода*: в один день я говорю о медитации, в другой день я говорю о любви. Я хотел бы, чтобы вы испытали вкус того и другого, и чтобы этот вкус помог вам выбрать. Только он позволит вам определить свой путь – на котором вы будете чувствовать себя текущими, спонтанными. Когда вы почувствуете, что все случается само собой и никаких усилий не требуется, – это и будет ваш путь. Но как узнать его?

Вы слушаете меня, когда я говорю о любви, и мои слова производят на вас впечатление. Но это ничего не решает. Просто попасть под впечатление – это пустое, это своего рода гипноз. Когда я говорю и пою о любви, это гипнотизирует вас, и вы начинаете думать: «Да, это – мой путь». Но это всего лишь волна, созданная мною. Она может стать вашей волной, но может и не стать. Вы не можете этого знать. Ваша жизнь настолько обусловлена другими, что вы стали очень впечатлительными, внушаемыми. Вы немедленно попадаете под любое влияние извне. Если вы слушаете меня, когда я говорю о медитации, это оказывает на вас воздействие. Именно поэтому мастера обычно не делают того, что делаю я, и настаивают на том, что путь должен быть только один – всегда, на всю жизнь. И люди подчиняются мастеру, следуют этому пути, потому что мастер постоянно и последовательно говорит им об этом. Хотя, может быть, этот путь вовсе не их. Поэтому я предпринимаю *абсолютно* другое усилие.

Я буду говорить обо всех возможных путях и всех возможных методах. Поначалу это будет вызывать в вас большое замешательство, но так и должно быть. Я хотел бы запутать вас настолько, чтобы вы совершенно забыли о том, чтобы подпадать под чье-либо влияние. Мое усилие состоит в том, чтобы отбросить вас к самим себе. Как долго вы сможете этим заниматься? – Сегодня вы думаете о медитации, но на следующий день я заговорю о любви, и вы начнете думать о любви. Потом я буду говорить о медитации, и снова возникнет проблема. Как долго вы сможете попадать под мое влияние? Однажды вы скажете себе: «Я должен решить. Этот человек сведет меня с ума!»

Джидду Кришнамурти говорит: «Не попадайте ни под чье влияние!» Но он последовательный человек, *очень* последовательный. И его последовательность накладывает отпечаток на его учеников. Он продолжает говорить: «Не попадайте ни под чье влияние», – но он говорит это на протяжении сорока лет так настойчиво, что люди попадают под его влияние! Они говорят: «Раз Кришнамурти говорит: „Не попадайте под влияние“, мы не попадем ни под чье влияние!» Но они попадают под влияние.

Я делаю именно то, о чем говорит Кришнамурти. Я делаю это – он же просто говорит.

Я не позволю вам оказаться под моим влиянием. Даже если вы этого захотите, вы не сможете. Я буду постоянно изменяться: сегодня я посажу несколько семян – завтра выта-

щу их обратно. Сегодня я что-то посею, завтра этого не станет. Как долго вы собираетесь меня слушать? Однажды вы скажете: «Стоп! Теперь буду решать я сам. Довольно!» Но к этому моменту вы будете переброшены от одного к другому столько раз, что будете знать вкус и того, и другого. Вы должны иметь некоторый вкус любви, некоторый вкус молитвы, некоторый вкус медитации; немного йоги, немного Миры и Чайтаньи, немного Будды и Махавиры. Когда вы испробуете оба вкуса, в вас возникнет решение. И оно будет не мое, оно будет ваше. А когда что-то – ваше, тогда оно настоящее, подлинное, оно трансформирует, оно преображает, оно переносит вас в другой мир. Если же это только впечатление, возникшее от того, что я говорю вам что-то снова и снова, тогда это становится лишь внушением, глубоко впечатавшимся в ваш ум. Вы можете считать, что решили сами, но это не будет вашим решением.

Кришнамурти никогда не говорил ничего противоречивого. Он просто повторял одно и то же. Его мелодия очень проста, ясна, в ней нет ничего, что могло бы вызвать замешательство. Либо вы с ним соглашаетесь, либо нет – это другой вопрос, – но прийти в замешательство от его слов нельзя. Невозможно сказать, что Кришнамурти приводит в замешательство. Можно сказать, что он прав, или – что он заблуждается, но нельзя сказать, что он приводит в замешательство.

Обо мне вы не сможете сказать, прав я или заблуждаюсь. Самое большее, вы можете сказать, что я запутываю вас. Но

в этом весь мой метод: привести вас в полное замешательство. Долго ли вы будете позволять мне толкать вас от одного к другому? Однажды вы закричите: «Все, руки прочь! Теперь я буду решать». Это решение придет изнутри вас. И оно придет не просто из интеллектуальных умозаключений, оно придет из реального опыта, который дали вам оба пути. Когда вы испытаете все, решить будет легко. И тогда вы можете оставаться при своем решении всю жизнь.

Если вы что-то решаете, находясь под моим влиянием, завтра на вас может повлиять кто-то другой, и у вас опять изменится точка зрения. А если вы способны оказаться под моим влиянием, вы можете оказаться под влиянием любого. Именно так люди переходят от одного мастера к другому.

Но отсюда не нужно никуда ходить, потому что я – все мастера вместе взятые. Вы можете просто оставаться здесь, а изменяться будет мастер; не нужно никуда ходить. Я последовательно противоречу самому себе, так что проблемы нет. Вам не нужно никуда ходить. Просто оставайтесь там, где вы есть.

Люди продолжают менять мастеров, потому что в какой-то момент что-то оказывает на вас впечатление, вы наполняетесь энтузиазмом, и начинается ваш «медовый месяц». Но медовый месяц имеет свойство заканчиваться. Все, что имеет начало, должно закончиться. Спустя время энтузиазм пройдет, и все покажется обычным. Энтузиазм питался новизной, тем, что было незнакомо. Попробуйте понять

ЭТОТ МЕХАНИЗМ.

Вы влюбляетесь в женщину, потому что в ней все для вас ново: тип, пропорции тела, лицо, глаза, брови, цвет волос, походка, жесты, то, как она говорит, как она выглядит. Все ново, территория неизвестна. Вам хочется исследовать эту территорию: она манит, она зовет. Вы ловитесь на это и попадаете под гипноз. А когда вы пытаетесь приблизиться, женщина убегает – это часть игры. Чем больше она убегает, тем притягательнее она становится. Если она просто говорит: «Да, я готова», – в ту же минуту половина вашего энтузиазма отмирает. В действительности вы сами начинаете подумывать о том, чтобы убежать. Но она предлагает вам ее преследовать. Люди никогда не бывают так счастливы, как в период ухаживания, – они счастливы оттого, что продолжается игра, преследование.

Мужчина по своей природе охотник. И когда женщина убегает, пытается так или иначе спрятаться, избегает его, говорит «нет», мужчина испытывает азарт – ему хочется завоевать эту женщину во что бы то ни стало. Теперь он готов умереть ради нее, сделать все что угодно, лишь бы она была завоевана. Он должен доказать, что он не обычный мужчина.

Но как только они женятся – все... Весь интерес заключался в охоте, в незнакомом, весь интерес заключался в том, что женщина была неприступной. Но теперь она побеждена – разве теперь это интересно?.. Самое большее – вы можете притворяться, но прежнего интереса не будет. Все начи-

нает остывать, партнеры начинают скучать; потому что теперь есть новые женщины, новые территории: они привлекают, они провоцируют, они зовут.

То же самое и с мыслями: вас очаровывает какой-то образ мышления, но как только он становится знакомым, медовый месяц заканчивается, любовь уходит. Теперь вам хочется переключиться на что-то другое, увлечься чем-то новым, чтобы снова испытать эйфорию, волнение. Таким образом вы путешествуете от одной женщины к другой, от одного мужчины к другому, от одного мировоззрения к другому, от одного пути к другому, от одного мастера к другому. Такой поиск никогда не даст вам достаточно времени для того, чтобы возникло доверие.

В одной первобытной индийской общине, в первобытных областях штата Мадхья Прадеш, в округе Бастар, живет племя дикарей – очень древний народ, которому три или четыре тысячи лет. Эти люди очень несовременны, но у них есть чему поучиться. В этой общине есть нечто такое, чего нет больше нигде: если мужчина и женщина женятся, они никогда не разводятся. Развод не запрещен, просто у них не бывает разводов. И когда мужчина женится на женщине, он остается с ней искренне, и женщина искренне остается с ним. Мужчину больше не интересуют другие женщины, ни в каком отношении, а женщину не интересуют другие мужчины. Как им удалось совершить это чудо? Их подход очень психологичен.

В общине так заведено, что всем девочкам и мальчикам

разрешается встречаться и быть друг с другом. Таким образом каждый мальчик узнает каждую девочку общины, и каждая девочка узнает каждого мальчика. Фактически, к тому времени, когда мальчики и девочки начинают интересоваться друг другом, они не ночуют дома. Посреди деревни есть специальная постройка, похожая на храм, которая называется *готул* – «дом молодежи».

Когда мальчика начинают интересоваться девочки, он должен переселиться в *готул*; когда девочку начинают интересоваться мальчики, она также должна переселиться в *готул*. Они живут в *готуле* – все девочки и мальчики деревни, – и они занимаются любовью. Условие только одно: мальчик и девочка не должны оставаться друг с другом дольше трех дней. Они должны двигаться дальше, чтобы к моменту свадьбы узнать каждого; тогда они смогут сделать правильный выбор.

Когда вы узнали всех женщин общины и на основании этого принимаете решение, это совершенно не то решение, которое вы принимаете, живя в цивилизованных странах. Человеку из нашей цивилизации всегда может встретиться лучшая женщина или лучший мужчина, всегда может встретиться более интересная личность. И тогда все рушится, мешается, возникают проблемы.

Тот обычай, о котором говорю я, – это обычай небольшой деревни: там живет, самое большое, две или три сотни человек. Каждому мальчику позволяют узнать каждую девочку,

а всем девочкам позволяют узнать всех мальчиков. И когда кто-то из них решает пожениться, до свадьбы им дается еще один год, чтобы пожить вместе и решить окончательно, потому что решать, не зная друг друга, очень опасно. Их решение пожить вместе вызвано только тем, что они хотят лучше узнать друг друга. Они должны хорошо узнать друг друга за год, за два года; они могут быть вместе столько, сколько потребуется. Со стороны общества нет никакого вмешательства.

Но когда они женятся – это решение твердое, абсолютное, безусловное. Потому что никакой игры больше нет, никакой охоты больше нет, никакой погони больше нет. В этой общине медовый месяц происходит до свадьбы, и это кажется более рациональным, психологически обоснованным и мудрым в отношении человеческого ума. Медовый месяц заканчивается до свадьбы. Свадьба приходит следом за медовым месяцем, когда двое людей, уже хорошо знающих друг друга, решают быть вместе, – дело уже не в игре, дело не в новизне. Они решили пожениться не потому, что хотят узнать друг друга; они решили пожениться, потому что они уже знают друг друга. Это совершенно другое.

Но традиция *готулов* в этих племенах потихоньку отмирает. Наше общество пытается сделать их «цивилизованными», потому что они кажутся нам безнравственными. По крайней мере, христианам, индуистам, джайнам они кажутся безнравственными – *готулы* считаются чем-то вроде домов

проституции. И община разрушается, потому что ее принуждают делать то, что противоречит всему ее опыту, – ее принуждают закрыть *готулы*, чтобы положить конец «безнравственности».

Кажется, нет предела человеческой глупости. Они не безнравственный народ. Они – очень нравственный, очень естественный народ. Но христиане трудятся над тем, чтобы обратить их в христианство. Многих из этих бедняг обратили в христианство. Теперь *готулы* исчезают, и вместе с ними разрушается одна из самых устойчивых систем общества.

По существу, это мы должны были учиться у них.

Мой метод состоит в том, чтобы дать вам все возможные шансы для духовного роста, чтобы вы могли почувствовать, какой путь для вас является правильным. И это ощущение должно прийти изнутри. Оно не должно прийти от меня, оно не должно прийти под моим влиянием.

Есть два способа не оказывать на вас влияние. Первый – ничего не говорить, исчезнуть, чтобы никто не смог к тебе приблизиться. Многие так и поступали. Но, кажется, это не помогает, потому что в этом нет сострадания. Другой способ – говорить с вами, рассказывать вам, чего я достиг, что я познал, что я испытал. Так тоже делали, но тогда люди оказываются под воздействием. Это воздействие настолько сильно, что практически отторгает людей от их собственной природы. Это также опасно. Может быть, сто человек попадет под влияние – и тогда десять, пятнадцать, самое большее,

двадцать из них достигнут цели. Восемьдесят же будут идти против своей природы.

Моя цель в том, чтобы открыть вам все возможности и сделать вас открытыми для всех возможностей. Чтобы вы могли исследовать их попеременно, в свое время, со своей скоростью. И тогда однажды возникнет чувство, и это чувство будет абсолютно ваше – оно не будет иметь ко мне никакого отношения. Тогда вы придете к точке, где возможна свадьба: вы выбираете определенный путь, вы женитесь.

Я буду продолжать говорить о других путях, но с этого момента вы не будете меня слушать. Вы будете любить меня, будете благодарны мне, но если я скажу что-то, идущее против вашего пути, вы этого не выберете, не примете – на вас это не повлияет. Если что-то подходит к вашему пути – вы это примете. Но теперь определяющим будет избранный вами путь. Все, что к нему подходит, вы будете принимать; все, что не подходит, вы не примете. И вы не скажете: «Это неправильно!» – вы будете знать, что для какого-то другого пути это подходит, для кого-то другого это может быть правильным.

Когда вы выбрали свой собственный путь, что бы я ни сказал, вы можете это принять или не принять. Выбор за вами. И у вас есть внутренний критерий выбора – что подходит, что не подходит.

Я не одномерен. Я говорю здесь с самыми разными людьми. И я говорю для всех и со всеми. Мало-помалу, слу-

шая меня, оставаясь внимательными, вы научитесь принимать решения, следуя собственным чувствам. И тогда я буду продолжать говорить, а вы будете слушать меня с любовью, понимать меня с любовью, но это не будет сбивать вас с толку, беспокоить, отвлекать. Как только вы женитесь, ничто не будет вас отвлекать; и развода уже не будет.

«Когда ты был еще дзенским мастером и говорил, что мы должны выбрать свой путь и придерживаться его, я была уверена, что мой путь – путь ума, и что я никогда не смогу никому сдать. Теперь же, после одной лекции о баульских мистиках, я смогла почувствовать себя влюбленной, как школьница. Но как мне выбрать путь, если его нет? И как мне стать светом для самой себя, если твой свет слепит меня каждое утро?»

Однажды ты проникнешься им. В один прекрасный день, в одно прекрасное утро ты проснешься в своем существе, осознав свои потребности, осознав свое направление. Как только ты поймешь, что это направление – твое, как только ты его узнаешь, все станет просто. Но этого нужно дожидаться; это потребует времени. И пока этого не случится, я должен толкать тебя, тянуть, бросать от одного пути к другому.

Извини... но я должен это делать.

Баулы поют:

Слепой,

Как можешь ты набрести

На прямой спонтанный путь?
Будь естествен в своем естестве,
Позволь пути
Родиться в тебе.

Именно это я и делаю здесь. Я акушерка. Я ничего не создаю для тебя; твой путь уже зачат и растет в тебе, как плод. Он уже зреет в твоём внутреннем храме. Самое большее, я могу помочь ему родиться. Самое большее, если что-то будет не так, я смогу помочь тебе устранить все, что мешает. Но твой ребенок растет в тебе. Я просто акушерка...

Как только ты родишь своего ребенка, свое направление, свой путь, этот путь будет совершенно естественным, спонтанным.

Слепой,
Как можешь ты набрести
На прямой спонтанный путь?
Будь естествен в своем естестве,
Позволь пути
Родиться в тебе.
Мудрые слова, описывающие Бога,
Не откроют тебе сокровищ
В комнате, где темно, —
В темноте не находят ясность.
Сломай преграды и смотри на небо,
Где бесформенное, как прекрасную форму,
Обнимает луна.

Я продолжаю говорить о сокровищах, бесценных сокровищах – но в ваших глазах темно. Мои слова воздействуют на вас: в вас просыпается жадность, вам тоже хочется владеть этими сокровищами. Но в ваших глазах темно. Даже если сокровище лежит перед вами, и я опишу его вам, описание как-то повлияет на вас, но вы все равно не увидите сокровища, которое лежит перед вами. Мои описания не помогут.

Мудрые слова, описывающие Бога,
Не откроют тебе сокровищ
В комнате, где темно, —
В темноте не находят ясность.
Сломай преграды и смотри на небо,
Где бесформенное, как прекрасную форму,
Обнимает луна.

Так что не слишком поддавайтесь влиянию моих слов и не чувствуйте такую уж уверенность, слушая меня. Я знаю, это естественно, это в человеческой природе. Много раз вы будете чувствовать уверенность и думать, что это ваш путь. А на следующий день все изменится... Поэтому будьте немного неуверенными в своей уверенности, сомневайтесь немного.

Когда я говорил о дзен, ты чувствовала, что это твой путь. Теперь я говорю о баулах... Помни, завтра я могу снова начать говорить о чем-то... И уж по крайней мере, на этот раз не будь слишком уверена. Слушай меня, но не позволяй

моим словам внушить тебе уверенность. Подожди, спешить незачем. Имей терпение, продолжай слушать и пробовать, но становись уверенной – потому что эта уверенность опасна. Ты можешь быть уверенной только тогда, когда родится твой собственный ребенок, когда у тебя появится ясное чувство правильно выбранного направления.

И ты сможешь почувствовать разницу, потому что разница огромна. Это произойдет не из-за меня, ты увидишь, что теперь это не будет вызвано влиянием моих слов... никакого влияния не будет. Внезапно в тебе случится невероятный взлет, невероятный всплеск энергии – и это будет абсолютно и несомненно. Ты увидишь, что в этом нет никакого влияния с моей стороны. Иногда может даже произойти что-то, противоречащее тому, что я говорю. Иногда – такое случается, если ты часто переключаешься с одного на другое, – я буду говорить о любви, и, слушая о любви, ты точно поймешь: «Это не мой путь; мой путь – медитация». Или наоборот... Трудно объяснить, каким образом ты будешь уверена, что эта уверенность возникает не от моего воздействия, но что она твоя собственная... Но я знаю, что ты будешь это знать.

Это так же, как быть уверенным в том, что у тебя болит голова, – ты *знаешь* это. Ты же ни у кого не спрашиваешь: «Как мне узнать, болит ли у меня голова? Как мне узнать, настоящая ли эта головная боль?» Нет, ты просто знаешь. Когда придет настоящая уверенность, она будет ясной, кристально чистой – как столб света. И само ее появление очистит тебя.

Как только она появится, ты почувствуешь рождение нового существа – совершенно нового. Это чувство не будет интеллектуальным, оно будет не из головы. Ты почувствуешь, что оно заполняет все твое тело, весь твой ум, все твое сердце. Ты почувствуешь его всем своим существом. Когда возникает такая уверенность, ей можно верить. Когда же ты находишься под чужим влиянием, все, что ты получаешь, – это верование. А верование бесполезно, бессильно, оно никогда никого не меняет.

Четвертый вопрос:

Ошо, в чем разница между мышлением и пониманием, реакцией и откликом, верованием и верой, жалостью и состраданием, общением и общностью?

Мышление – это отсутствие понимания. Вы мыслите, потому что не понимаете. Когда возникает понимание, мышление исчезает. Так слепой нащупывает свой путь. Но когда у вас есть глаза, вы не нащупываете, вы просто видите. Понимание – как глаза: вы видите, вы не нащупываете. А мышление – это когда вы нащупываете. Не зная, что есть что, вы продолжаете думать, угадывать. Мышление никогда не даст вам правильного ответа, потому что мышление только повторяет то, что ему уже известно. Мышление не способно видеть неизвестное.

Вам когда-нибудь доводилось думать о неизвестном? Как вы будете об этом думать? Вы можете думать только о том, что уже известно. Вы можете продолжать думать одно и то

же, снова и снова, вы можете создавать новые сочетания из старых мыслей, но на самом деле ничто не будет ново. Понимание же всегда свежо и ново. Оно не имеет ничего общего с прошлым. Понимание случается здесь и сейчас. Это мгновенное проникновение в суть реальности.

В мышлении есть вопросы и вопросы, но нет ответов. Даже если иногда вам кажется, что вы нашли ответ, то это только потому, что нужно что-то решить, что-то выбрать. На самом деле это не будет ответом. Вам необходимо решить, как поступать, и поэтому вы цепляетесь за один из возможных ответов. Но если вы глубоко заглянете в этот ответ, то увидите, что из него вытекает тысяча новых вопросов. В понимании нет вопросов, есть только ответы, потому что у понимания есть глаза.

Мышление заимствованно. Все ваши мысли даны вам другими. Посмотрите: сможете ли вы найти хотя бы одну мысль, которая была бы вашей, подлинно вашей, которая родилась бы в вас? Нет, все мысли заимствованы. Их источники могут быть известны или неизвестны, но все они по своей сути заимствованы. Ум действует как компьютер. Но прежде чем компьютер даст вам какой-то ответ, вы должны запрограммировать его, вы должны заложить в него информацию – тогда он даст вам ответ. Так же устроен и ум.

Ум – это биокомпьютер. В течение жизни вы наполняете его информацией, различными данными, знаниями, а когда возникает вопрос, ум находит из этой коллекции подходя-

щий ответ. Это не живой отклик, это ответ из мертвого прошлого.

Что такое понимание? Это чистый разум, то, что уже дано вам, то, с чем вы рождаетесь. Никто не может дать вам разум. Можно дать знания, но не разум. Разум – это ваше собственное отточенное существо. В глубокой медитации человек оттачивает свое существо, в медитации он отбрасывает заимствованные мысли и вновь обретает свою сущность, свою оригинальность, свою подлинность, он снова находит детство, невинность, свежесть. Когда вы действуете из этой свежести, вы действуете из понимания. И тогда ваш отклик тотален, он – из *здесь-и-сейчас*. Он не приходит из прошлого, он возникает в ответ на брошенный вам вызов.

Например, кто-то задает вам вопрос – что делаете вы? Вы тут же ищете в уме ответ, спускаетесь в подвал ума, где хранятся знания, и ищете там ответ. Это мышление.

Или кто-то задает вам вопрос – и вы погружаетесь в молчание; тогда вы смотрите в самую глубину вопроса – не в глубину памяти, а в глубину вопроса, вы встречаетесь с вопросом лицом к лицу. Если вы не знаете, то говорите, что не знаете.

Допустим, кто-то спрашивает: существует ли Бог? А вы тут же отвечаете: «Да, Бог существует». Откуда этот ответ? Из вашей памяти? Из христианской памяти, индуистской памяти, мусульманской памяти. Тогда он бесполезен, он почти ничего не несет в себе. Если ваша память коммунистическая

или атеистическая, вы ответите: «Нет, Бога нет». Если ваша память католическая или протестантская, вы ответите: «Да, Бог есть». Если ваша память буддистская, вы скажете: «Бога нет». Все эти ответы вы возьмете из памяти.

А если вы человек понимания, тогда вы просто выслушаете вопрос, вникнете в вопрос, глубоко войдете в него и будете наблюдать. Если вы не знаете, вы скажете просто: «Я не знаю». Если вы знаете... Лишь в этом случае вы скажете, что знаете. И когда я говорю: «Если вы знаете», это значит, я говорю о вашем собственном опыте, о вашем личном понимании.

Человек понимания честен. Даже если он говорит: «Я не знаю», его невежество ценнее, чем знания ума, потому что оно ближе к истине. По крайней мере, этот человек не пытается притворяться, он не лицемерит.

Наблюдайте, и вы увидите, что все ваши ответы приходят из памяти. И тогда попытайтесь действовать так, чтобы участвовала не память, а сознание. Это и будет понимание.

Я слышал...

Доктор вошел в комнату к пациентке. Через пять минут он вышел, попросил отвертку и снова вошел. Еще через пять минут он вышел снова и потребовал плоскогубцы и молоток.

Потрясенный муж не мог больше выносить неизвестности.

– Доктор! – воскликнул он. – Ради бога, скажите, что с моей женой?!

– Пока не знаю, – ответил доктор. – У меня не открывается портфель.

Даже если иногда вы говорите: «Я не знаю», это необязательно приходит из понимания. Возможно, вы говорите это только потому, что у вас не открывается портфель. Возможно, вы говорите так потому, что у вас не открывается память, вы не можете найти что-то в памяти; и чтобы вспомнить, вам нужно время. Вы говорите: «Пока не знаю...» или: «Дайте мне время подумать». Что изменится от того, что вы подумаете? Если вы знаете, вы знаете; если вы не знаете, вы не знаете. О чем вам думать? Но вы говорите: «Дайте мне время, я об этом подумаю». О чем это говорит? Это говорит следующее: «Дайте мне немного времени; мне нужно сходить в подвал, в кладовую моего ума, и поискать. За много лет там накопилось много хлама, и теперь очень трудно найти нужную вещь. Но я попробую».

Медитируйте и освобождайтесь от этого подвала. Он не бесполезен, вы можете его использовать, но он не должен заменять собой понимание.

Человек понимания смотрит на вещи прямо. Его понимание, его видение непосредственно. Но он может использовать все содержимое своей кладовой, чтобы донести до вас это видение. Он может использовать свою кладовую, чтобы то, что он пытается вам передать, стало как можно более ясным, но все, что он пытается передать, – его собственное. Слова могут быть заимствованными, язык может быть заим-

ствованным, – и он неизбежно будет таким, концепции могут быть заимствованными, но не то, что человек пытается передать от себя. Упаковка будет взята из памяти, но содержимое будет его собственным.

И, конечно, человек, лишенный понимания, постоянно становится жертвой огромного количество мыслей, потому что у него нет единого видения, которое послужило бы центром. У него в голове толпа мыслей – бессвязных, диаметрально противоположных, противоречивых, враждебных друг другу. У него в голове толпа мыслей – не дюжина, даже не сотня, а целое столпотворение, из-за которого в уме стоит непрерывный гул. И если вы зайдете в своем мышлении слишком далеко, однажды вы просто сойдете с ума. Если мыслей слишком много – можно сойти с ума.

В первобытных обществах безумие встречается редко. Чем более общество цивилизовано, тем больше в нем сумасшедших. И в цивилизованных обществах чаще всего сходят с ума люди, которые занимаются интеллектуальным трудом. К несчастью, таковы факты: из представителей всех профессий чаще всего сходят с ума... психоаналитики. Почему? Слишком много мыслей; слишком трудно держать в порядке такое множество противоречивых мыслей. В попытках их организовать все ваше существо разбалансируется и приходит в хаос.

Понимание единично, основополагающе. Понимание просто. Мысли очень сложны.

Муж-подкаблучник пришел к психоаналитику и сказал, что его преследует кошмарный сон:

– Каждую ночь, – объяснил он, – мне снится кораблекрушение, и в живых остаюсь только я и еще двенадцать красивых женщин.

– Что же в этом кошмарного? – спросил психиатр.

– Вы когда-нибудь пробовали о чем-нибудь договориться с двенадцатью женщинами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.